

Oplatek, Stanislav

[Калита, И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность]

*Linguistica Brunensia*. 2012, vol. 60, iss. 1-2, pp. 298-304

ISBN 978-80-210-5883-5

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/118256>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Steven J. Clancy: **The Chain of Being and Having in Slavic**. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins 2010. (Studies in Language Companion Series, 122.) XVII + 297 s. ISBN 978–90–272–0589–6. 99 euro

Tzv. sémantické mapy jsou zajímavým pokusem o vybudování základu umožňujícího explikaci a mezijazykové srovnávání v oblasti morfosyntaxe. Jejich aplikaci na data ze čtyř slovanských jazyků, bulharštiny, češtiny, polštiny a ruštiny, představuje kniha, o níž zde chceme podat krátkou zprávu. Její obsah je následující. V první kapitole se stručně načrtává obsah knihy a zdůvodňuje se volba konceptů, jejichž manifestace v uvedených jazycích se bude zkoumat (*Chapter 1: Why BE and HAVE?*, s. 1–8). Druhá kapitola přináší obecnou definici zvolených konceptů – BÝT a MÍT – a popis jejich vzájemné interakce (*Chapter 2: The relationship between BE and HAVE*, s. 9–65). V následujících dvou kapitolách se pak podrobně popisuje manifestace obou konceptů ve zkoumaných slovanských jazycích (*Chapter 3: BE in the modern Slavic languages*, s. 67–120; *Chapter 4: HAVE in the modern Slavic languages*, s. 121–157). Pátá kapitola se zabývá zdroji a mírou gramatikalizace těchto jednotlivých manifestací (*Chapter 5: Grammaticalization of BE and HAVE*, s. 159–229). Následující kapitola se stručněji dotýká jazykověkontakto- vých aspektů věci (*Chapter 6: Language contact and borrowing*, s. 231–249). Závěrečná kapitola přináší závěry i některé výhledy k další práci (*Chapter 7: Conclusions*, s. 251–264).

Jak může být každému jasné, budování sémantického srovnávacího základu je značně obtížný a nejistý podnik a lehce se může stát, že člověk k hrůze novopozitivistů zabředne do metafyzických spekulací a dokazování, zda řecká filozofie stojí na řečtině (s. 12–13), nebo ne (jak myslí např. Touratier, LALIES 10, 367n); podobně se může namítnout, že koncept kopuly je pouhý evropocentrický předsudek a to, co se například v angličtině a jiných evropských jazycích nazývá kopulou, je jen „verbalizátor“ neboli vyjádření jistých slovesných gramatických obsahových prvků izolativně pomocí více či méně samostatného slova. V tomto smyslu pak je zjevné, že není ani třeba pouštět se do nějaké obsáhlejší kritiky autorových vývodů, protože každé řešení v této oblasti je aproximativní. Hodnocení – chceme-li je vůbec podniknout – by spíše mělo tematizovat otázku, co nového kniha přináší, co nemají předchozí práce. A zde se obáváme, že sumasumárum žádnou – zejména slavistickou – podstatnější přidanou hodnotu bohužel spíš nemá; nepopíráme, že pojednání je poučené, dobře strukturované a v detailech (např. ve zpracovaných sémantických mapách) i inovativní, ale celkově se tam čtenář slavista nic moc nového nedočte (navíc obsahuje některá klopýtnutí jako např. o českém präteritu na s. 166 nebo o severoslovanské imperfektivní futurální konstrukci, o níž se na s. 160 aj. říká, že je výsledkem gramatikalizace konstrukce *být* + infinitiv, zatímco ve skutečnosti se zde gramatikalizovalo *stát se* + infinitiv; škoda také, že mezi manifestacemi kopulové funkce v češtině chybí sloveso *představovat*). Doporučit tak knihu lze spíš jen čtenáři neslavistovi, čímž se ostatně – jak se zdá – vysvětluje i skutečnost, že vyšla v obecnělingvistické řadě.

Bohumil Vykypěl

И.В. Калита: **Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность**. Ústí nad Labem, 2010, c.300.

В прошлом году выпущенная монография, как подсказывает само ее название, задается темой существования и функционирования белорусского языка в белорусском<sup>1</sup> пространст-

<sup>1</sup> В нашей рецензии намеренно, в отличие от И.В. Калиты, употребляем прилагательное *белорусский*, а не *беларусский*. В ответ на обоснование правописания через *a* против *o* И.В. Калиты добавляем следующее: как нам представляется, во-первых, необходимо здесь различать (и не смешивать) политическое, официальное название молодого государства и историческое название

ве. При этом, автор не ограничивается только сугубо языковой ситуацией в Беларуси, а расширяет свое поле внимания и на такие прямо или косвенно связанные с языком темы, как языковая ситуация в постсоветском пространстве или национальное самосознание.

По словам автора, книга предназначена в первую очередь чешским читателям и ставит перед собой цель ознакомить нерусского читателя с проблематикой современного положения блр.яз. Монография по большому счету написана скорее в стиле научно-популярного жанра с некоторыми «выходками» за его пределы в сферу строго научную. Этому соответствует также, на наш взгляд, весьма удачно скомпонованная концепция книги, благодаря которой читатель ознакомляется с выбранной проблематикой достаточно подробно, но при этом излишне не перегружается количеством информации. Кроме того, автор не забывает приводить и достаточное количество ссылок, чтобы удовлетворить и более любознательных читателей. Научное «ядро» работы находится, прежде всего, во второй половине книги. В ней автор пытается решить главным образом теоретические лингвистические проблемы, связанные со спецификой существования и функционирования блр.яз. – его месте в культурном пространстве постсоветской Беларуси. Кроме того, автор уделяет внимание также теме языкового планирования и процессу «возрождения» блр.яз.. Таким образом, для мало осведомленного чешского читателя книга представляет собой полезный ознакомительный и одновременно содержательный «компендиум» по блр. языковой проблематике, отчасти также по развитию и истории блр. народности. К сожалению, доступность содержания книги чешскому читателю затрудняет не совсем удачный выбор языка монографии – русского, который по всей вероятности приведет лишь к недоступности книги для большинства потенциальных читателей.

Что касается формальной обработки, положительно отмечаем факт, что содержание монографии расчленено логично и, главным образом, наглядно во множество подзаголовков. Кроме прочего, книга включает также предметный указатель, который не всегда является стандартом. К сожалению, не столько позитивно можно выразиться о качестве обработки монографии: переплет начал расклеиваться еще в течение ее первого чтения и также остальные «качества» оставляют желать лучшего. Набор текста производит впечатление школьного реферата, а также применение деления слов, как и использование другого шрифта, пошло бы только впрок удобочитаемости текста. Графическая обработка книги страдает от неустойчивого, и в большинстве случаев плохого, качества графических элементов, что существенным образом снижает их вклад в книгу. В продолжение сказанного нельзя не заметить и не совсем удачное использование научного аппарата, когда количество текста в сносках в некоторых случаях значительно превышает количество основного текста на странице, иногда даже и текста в сцелой главе — наверное, стоило бы автору подумать, насколько подобного рода употребление ссылок целесообразно и полезно. Наконец, что касается работы с книгой самой, на наш взгляд было бы удобнее приводить использованную литературу только в алфавитном порядке, не расчленяя ее дополнительно на отдельные подгруппы, типы изданий (монографии, журналы, сборники и др.), так как такое оформление, по нашему мнению, только задерживает читателя излишними поисками и отвлекает от работы самой. Чтобы только

---

топонима. Прилагательное от им. сущ. *Беларусь* действительно должно звучать *белорусский*. Однако, существует и исторический топоним *Белая Русь*, употребляемый приibl. с XVII в. именно и только в русском языке, от которого единственным и правильным вариантом прилагательного в совр. рус. яз. есть форма *белорусский*. Таким образом обстановка на наш взгляд похожа на употребление им.прил. *русский* — *российский*. Во-вторых, кроме сказанного, в русском языке существует также исконно русское название страны – *Белоруссия* (ср. чеш. *Německo* – *Deutschlad*, *Holandsko* – *Nizozemí* /зол. *Nederlandl*, *Bělorusko* – *Belarus*; *Královec* – *Kaliningrad*, *Stoličný Bělehrad* – *Székesfehérvár*, *Štýrský Hradec* – *Graz* и др.). Поэтому за употребление прилагательного *белорусский* на наш взгляд говорит как его *узусальное* и *историческое* употребление, так и словообразовательная характеристика.

не критиковать, положительно отмечаем, что представляемая монография содержит резюме сразу на трех языках (чешском, английском, русском), чем в какой-то мере компенсирует некоторые из недостатков, отмеченных выше. В последующем тексте мы попытаемся вкратце изложить содержание книги с некоторыми критическими замечаниями.

Представляемая монография состоит из шести частей. Первая глава посвящается языковой политике Беларуси на протяжении XX-XXI вв. Автор вкратце знакомит читателя с истоками блр. возрождения начала XX в. и с историко-политической ситуацией Беларуси на протяжении XX в. Автор показывает, что демократизация общества и языковая свобода в Беларуси была после распада царской империи связана не столько с ведомой, сознательной поддержкой блр. возрождения со стороны новой советской власти, сколько была «побочным эффектом» идеи братства народов и коммунистического космополитизма, который позже выразился в официальном образовании т.наз. советского народа. Поэтому, как автор правильно замечает, «нивелирование» и русификация, наступившие в последующие годы, были только естественным результатом советской политики, а не какой-то сталинской сменой курса. Побочным и вполне естественным эффектом подобного развития событий стало дальнейшее углубление как раздвоения самосознания белорусов как народа, так и значительное усложнение языковой ситуации — наряду с грамматикой возрождения, грамматикой Тарашкевича (изд. в 1918 г.), был в 1933 г. выпущен и восточно-блр. нормативный вариант, т.наз. наркомовка, ставшая официальным советским противовесом тарашкевице и единственным допустимым литературным грамматическим вариантом, пока что т.наз. тарашкевица сохранялась как грамматическая норма блр. эмиграции<sup>2</sup>. В то же время русский язык, занимая все больше ниш языковой коммуникации, одержал с течением времени большое преимущество над домашним только что возрождающимся блр. языком. Скорая победа рус. яз. была, однако, обусловлена его господством уже в эпоху царизма, поэтому русификацию советской Беларуси, на наш взгляд, можно в какой-то степени рассматривать лишь как продолжение установленного империалистской Россией политического курса. На этом месте хочется заметить, что подобную языковую политику в свое время отстаивали и другие европейские колониальные державы, однако, в отличие от них не сумел бывший СССР этот курс изменить. Вследствие этого практически на всей территории быв. советского нерусского пространства возникла специфическая языковая ситуация двуязычия, которая в Беларуси с 1996 г. даже официально закреплена законом. Возникновению явления двуязычия в этих странах не малой мерой способствовали или их недолгая народная литературная традиция, или ее фактическое отсутствие. Это наблюдается и в случае Беларуси, где древний рутенский язык (автор монографии его, на наш взгляд не совсем корректно называет «старобелорусским»<sup>3</sup>), предшественник совр. укр. и блр. языков, был в течение XVIII-XIX вв. фактически затерян как своего рода «тупиковая» эволюционная ветвь. Поэтому, как нам кажется, вряд ли можно считать, как это делает автор, что этот «старобелорусский» язык каким-то косвенным образом в языковом плане содействовал развитию совр. блр. литературы. Для такого утверждения нет никаких обоснований и прямых доказательств, тем более что сохранившийся в письменных памятниках рутенский язык представлен по большому счету только деловым языком, т.е. по своей

2 Вопрос, до какой степени наркомовка была русифицированным белорусским языком или литературным языком, основанным на восточных говорах, или, наоборот, в какой мере повлиял на формирование тарашкевицы польский язык, на наш взгляд, часто обсуждается не без пристрастия. В этом пункте нельзя не оценить несколько сдержанную позицию автора монографии, так как данный вопрос по всей вероятности намного сложнее (ср. Чекмонас 2001).

3 Данный термин – рутенский язык – по нашему мнению оправдывает себя уже по той причине, что отделение белорусского и украинского языков можно отнести приibl. к первой пол. XVII в. (ср. Novotná 2006).

сути слишком специфической стилистической разновидностью языка, чтобы стать фундаментом литературного языка новоблр. художественной литературы.<sup>4</sup>

Вторая глава монографии рассматривает общую характеристику белорусско-русской языковой интерференции в совр. Беларуси и сферы функционирования блр. яз. на территории Беларуси. В самом начале главы помещен краткий очерк по истории изучения языковых контактов и социолингвистики. Среди плеяды выдающихся русских лингвистов, к сожалению, автор упустил упомянуть А.И. Селищева, которого по праву можно считать основателем советской социолингвистики.

В последующем тексте автор излагает свое понимание терминов «интерференция» и «билингвизм». Интерференцию автор понимает как процесс языкового взаимодействия и как результат этого процесса — возникновение языковых изменений, обусловленных языковым контактом. Билингвизм потом определяет как использование двух языков в зависимости от ситуации общения и как неотъемлемый элемент интерференции, а также как условие для развития интерференции. Как нам представляется, с дефиницией билингвизма можно согласиться только с большими оговорками. Автор явно смешивает два понятия не одинакового рода: интерференцию как явление когнитивно-психологического плана и билингвизм как явление социальное. Эти два явления могут взаимодействовать, но никогда не может стать одно составляющей частью другого и наоборот. С учетом сказанного необходимо отметить, что автор понимает понятие билингвизм весьма широко — как владение двумя языками на любом уровне — в т.ч. пассивном. На основании такой дефиниции автор выделяет целый перечень типов билингвизма. В свете сказанного вполне понятно, почему автору не удалось удовлетворительным способом определить понятие «диглоссия» как самостоятельный термин, так как в его понимании билингвизма применение этого термина фактически теряет смысла.

На этом месте хочется также возразить против автором поддерживаемого утверждения чеш. лингвиста Ф. Чермака, что билингвизм не может быть полным. Во-первых, если строим дефиницию билингвизма как теоретическую модель степеней владения двумя языками, как бы это ни было малоуподобно, необходимо всегда учитывать и существование полной схемы этой модели, т.е. и полного билингвизма; в противном случае пришлось бы определить билингвизм каким-нибудь другим способом, чем это делает автор. Во-вторых, степень владения языком всегда относительна и отличается и среди монолингвов. Более того, лексические системы разных языков всегда отличаются, вследствие чего всегда будут существовать объективные несоответствия между ними. Из этого выходит, что полный билингвизм нельзя понимать как некое точное соответствие двух языковых систем, а как равностепенное владение такими коммуникативными языковыми средствами, которые соответствуют в культурных регионах обоих языков тождественным коммуникативно-культурным ситуациям.

В последующем автор уделяет внимание, прежде всего, разновидностям и проявлению интерференции (автор отличает лексическую, фонетическую, акцентологическую интерференцию) на материале самого блр.яз. С нашей точки зрения достопримечательным является замечание автора, что цслав. элементы в блр. яз., в отличие от рус. яз., почти не употребля-

---

<sup>4</sup> К этому вопросу см. Večerka 2009 & Stang 1935. Особенно во второй монографии четко указаны отличия канцелярского и живого языка на территории Беларуси. Stang наглядно показывает, что по своим чертам канцелярский язык ВКЛ выделяется, прежде всего, особенностями, общими как для украинской, так и белорусской территории, и отмечает в нем польские вкрапления и вообще, особенно в более поздних документах, большой пласт полонизмов. Наряду с тем также напрашивается до сих пор до конца не решенный вопрос «...*ob am Hofe und in den höheren Kreisen eine Sprache gesprochen wurde, die der Kanzleisprache noch näher stand, eine von der Schriftsprache beeinflusste Umgangssprache.*» (Stang 1935, 132.). Подобно также: Лукашанец 1998, 14; Жураўскі 1967, 356.

ются, прежде всего, в силу более самобытной позиции рутенского языка в Великом княжестве литовском; с нашей точки зрения, однако, более правдоподобной интерпретацией этого явления представляется факт, что православие на территории Беларуси до ее присоединения к Российской империи не пользовалось большим общественно-политическим авторитетом, в отличие от Руси. Свои следы бесспорно оставило и реформационное церковное движение и католизация общества.

К сожалению, как некоторые предыдущие главы, так и главы, посвященные отдельным типам языковой интерференции, страдают излишней информационной лаконичностью в некоторых случаях с сомнительной аргументацией. Так, напр., форму глагола 3.sg. *звонит* автор оценивает как типично рус., когда *звонит* как типично блр., однако, на самом деле, в совр. рус. разговорной речи широко употребляются оба варианта (примечаем, что в случае языковой интерференции вряд ли можно исходить из данных литер. яз., поскольку интерференция – это отклонение от языковой нормы). Отдел фонетической интерференции практически ограничивается перечислением исторически обусловленных фонетических отличий блр. от рус.яз. В целом по словам автора блр.-рус. интерференцию можно характеризовать как одностороннюю, направленную на блр. яз. При этом блр.-рус. интерференция проявляется преимущественно в лексическом пласте языка, где наиболее яркое проявление интерференции представляет трясанка, а также в области аффиксации и местных названий, которые были во время СССР зачастую русифицированы. В отличие от других языковых пластов, особой устойчивостью, по словам автора, отличается фонетический уровень блр.яз., и интерференция довольно ограничена также в области синтаксиса. В настоящее время развитию современной интерференции и блр.-рус. билингвизма способствует кроме недостаточной языковой политики и неблагоприятная экономическая ситуация в Беларуси и проект Союзного государства России и Беларуси, вследствие чего большая часть белорусов ездит работать в Россию, и блр. яз., таким образом, не имеет в Беларуси ни официальной правительственной поддержки, ни экономических перспектив для блр. населения. Таким образом, в официальной сфере блр. яз. пробивается лишь как средство маркетинга (этикетки определенных товаров и др.) — т.е. фактически не выполняет коммуникативную функцию.

Кроме проявления интерференции автор пытается наметить также социальные последствия существования языковой интерференции, которые особенно ярко сказываются на самосознании белорусов, которое в настоящее время можно характеризовать как раздвоенное.

Третья и четвертая главы, как нам представляется, представляют собой, с научной точки зрения, наиболее содержательные и ценные части. В этих главах автор задает вопрос разграничения и определения статуса специфически блр. проявления русско-белорусской языковой интерференции, трясанки. Положительно здесь нужно оценить в первую очередь то, что наблюдения и заключения автора подкрепляются и основываются на его собственном опыте и, прежде всего, на исследовании до сих пор мало изученной языковой ситуации в югозападной Беларуси (г. Брест).

Благодаря этому, как нам кажется, удастся внести определенную корректировку в современное социально-территориальное разграничение трясанки: распространение трясанки, возникшей, как и украинский суржик, как смешение рус. лексики с блр. фонетикой и грамматикой, не охватывает всю территорию Беларуси, а только ее центральную и восточную части.<sup>5</sup> По словам автора, трясанка на этой территории образует особый код, заполняющий в билингвном пространстве лауну между блр. и рус. языками. Таким образом, в нашем

<sup>5</sup> Данное заключение на наш взгляд вполне соответствует диалектной карте Беларуси, в которой югозападные говоры белорусского Полесья выделяются среди блр. говоров опред. диахроническими изменениями (ср. Чекмонас 2001). В этом плане было бы интересно сравнить, насколько распространение трясанки (или ее вариантов) соответствует диалектным зонам Беларуси, или отдельным изоглоссам (напр. распространению умеренного акания). Не следует

понимании, трясанка представляет собой своего рода *интердиалект*, который в какой-то мере сопоставим с общеразговорным чешским языком (*obecná čeština*) в контексте Чешской республики. Для данной интерпретации говорит и факт, что трясанка — это относительно старый языковой продукт (возникновение датируется ранее начала XX в., хотя сам термин появился только в 90 гг. XX в.), возникший в первую очередь как результат русификации и переориентации населения с деревенского быта на городской. Как автор замечает, в дополнение образа необходимо принять во внимание, что трясанка, как особый род проявления языковой интерференции, в нерусском постсоветском пространстве явление отнюдь не уникальное, а, наоборот, весьма распространенное. Следовательно, из сказанного вытекает, что трясанкой можно считать только интерференцию между рус. и блр. языками, пока что подобной рода явления существующие на западе Беларуси, но впитывающие влияния иных языков, чем русского, трясанкой считать нельзя.

Автор также пытается определить трясанку с чисто типологическо-дескриптивной точки зрения, предлагая использовать для этого результата белорусско-русского билингвизма термин *транскод*. Транскод автором определяется как «редкое психологическое явление, возникающее в результате долгого, неравномерного взаимодействия двух родственных контактирующих языков, находящихся в отношениях мажоритарный : миноритарный, где мажоритарный язык распространяет влияние всех своих субкодов в сферу компетенции миноритарного языка, постепенно вытесняя (или заменяя) их, используя при этом идеологический компонент как основной двигатель общей политики воздействия». Далее автор замечает, что транскод — это явление родственное, но не тождественное креольским языкам, пиджинам и пр. Как нам представляется, данный концепт, по крайней мере в таком виде, в каком он представлен, вряд ли можно отстоять, прежде всего, по той причине, что он внутренне противоречивый, и одновременно вдается в излишний психологизм, аргументы которого нельзя убедительно ни доказать, ни опровергнуть.

Нашу критику наглядно демонстрирует как сама дефиниция транскода, так и попытка автора сравнить по своей природе разные понятия — психологическо-культурологическо-языкового уровня, представленного понятием транскода, и уровня чисто типологического — пиджинов и креольских языков. При этом фактически выходит налицо, что единственным различием между транскодом и пиджинами с креольскими яз. является тот факт, что вторые формируются на базе неродственных языков. Таким образом, в нашем понимании, с типологической точки зрения трясанку можно просто отнести к креольским языкам (ведь в отличие от блр. яз., трясанка родной язык для большей части населения, и сохраняет фонетическо-грамматические особенности языка-субстрата) равно как и к разряду интердиалектов (в случае, что будем считать трясанку проявлением блр.яз.) или социолектов (с точки зрения социолингвистики). Таким образом, понятие транскод (в случае, что такое понятие для лингвистического описания нужно) на наш взгляд удобнее определять на базе приведенных терминов — как смесь социолекта (на наш взгляд социолект не обязательно основан только на одном языке) и интердиалекта, т.е. смесь социальных (общественных) и территориальных характеристик. Наше понимание транскода находит опору также в наблюдении И.В. Калиты самой, что транскод (= трясанка) используется в блр. обществе для широкого набора функций, заменяя таким образом некоторые неразвившиеся в блр. яз. языковые пласты, напр., сленг, и что транскод (= трясанка) своеобразная языковая инновация (особенно лексической системы), но не изменение (языковая система в узком смысле слова остается без серьезных модификаций).

---

забывать и про интерференцию польского языка, которая, однако, может играть меньшую роль, чем иногда предполагается (ср. Вулхайзер 2001).

Последняя, пятая, глава монографии посвящена теме языкового планирования и языковой политики в Беларуси. Автор знакомит читателя с языками, находящимися в похожем положении как блр.яз. как на территории Европы, так и быв. СССР. В главе проводятся параллели между бывшей идеологией чехословацкого языка и сосуществованием рус. и блр. яз., что, как автор сама замечает, по своим причинам и проявлению представляет собой два разных явления.

В заключение можно сказать, что, несмотря на некоторые недостатки, монография представляет собой незаменимый источник, осведомляющий чешских читателей с белорусской языковой политикой, ситуацией и ее причинами в широком культурном и языковом контексте. К сожалению, именно ширина проблематики в **некоторых случаях идет в ущерб научной глубине**. Необходимо оценить, что автор, в отличие от некоторых других белорусских лингвистов, относится к языковой ситуации весьма трезво и объективно. Кроме того, данная монография в очередной раз показывает, что без политической поддержки и переориентации Беларуси на Евросоюз улучшения языковой ситуации в Беларуси ожидать нельзя. Однако, не смотря на неблагоприятную языковую ситуацию, блр.яз. оказывается более жизнеспособным и упорным, чем иногда предполагается, выражая свою живучесть именно появлением трясянки (или ее эквивалентов), которую, таким образом, нужно считать не проявлением дегенерации, а, наоборот, средством регенерации современного блр.яз.

### Литература

- Вулхайзер, К.: *Сацыялінгвістычныя аспекты дывергентнага развіцця беларускіх гаворак сучаснага польска-беларускага пагранічча*. В сб. *Беларуская мова*. Минск, 2001, 185–199.
- Жураўскі, А.І.: *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Минск, 1967. Т.1.
- Лукашанец, А. и др.: *Беларуская мова*. Opole, 1998.
- Чекмонас, В.: *Из истории формирования белорусских говоров*. В сб. *Белорусская мова*. Минск, 2001, 29–46.
- Giger, M.: *Jazyk jako symbol a rituál: otázka funkčních domén běloruštiny*. In: *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model*. Ed. A. Ivanova, J. Tuček. Praha 2006, 284–310.
- Novotná, P.: *Glottochronologie baltoslovanských jazyků*. In: **Vademecum Graeco-Latinum Brunensae**. Brno, 2006, 104–108.
- Stang, Ch.S.: *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.
- Večerka, R.: *Jazyky v komparaci*. 2. Praha, 2009.

Станислав Оплатек

**Норман, Б.Ю.: Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков.** Курс лекций. Минск, Белорусский государственный университет, 2009. 183с. ISBN 978-985-518-267-3

Автором рецензируемой работы является доктор филологических наук Борис Юстинович Норман, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета в Минске. Книга посвящена лингвистической прагматике. Термин „прагматика” стал употребляться в языкознании относительно недавно для обозначения плана или аспекта языковой системы, связанного с тем лицом, которое пользуется языком в ситуации речи, т. е. с функционированием языка речи говорящего. Выделение прагматики в качестве особой области языкознания началось в 60-х – начале 70-х гг. XX в. Само понятие и термин были введены американским ученым Чарльзом Моррисом (Charles Moris) в конце 30-х гг. XX в. Эта теоретическая дисциплина может быть применена к фактам русской речи. Книга состоит из 10 лекционных тем. В них показывается, как говорящий с помощью языковых средств регулирует свои отношения с собеседником. Основным источником материала